

ПРОЛЁТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 6 (857)

30 января 1940 г., вторник

Цена 30 коп.

Неопубликованный отрывок из письма

Известное шеститомное собрание писем Чехова, вышедшее в 1912—14 гг. под редакцией Марии Павловны Чеховой, обещало далеко не все эпистолярное наследие Антона Павловича. В советские годы было опубликовано несколько сот неизвестных ранее чеховских писем. Некоторые из них, например, письма к Д. В. Григоровичу, А. П. Маслову-Бежецкому, Е. П. Гославскому, Александру П. Чехову, А. С. Суворину, должны быть отнесены к числу наиболее интересных чеховских писем. Большое же количество писем Чехова, хранящихся в государственных архивах и у отдельных лиц, еще ждет своего опубликования.

Однако будущее собрание писем Чехова должно быть дополнено не только новыми письмами, но и старые письма должны быть опубликованы по возможности в полном виде. Когда издавалось шеститомное собрание писем, многие персонажи этого второго, интимного «собрания сочинений» были еще живы. Естественно, что это обстоятельство заставляло при публикации ряда писем заменять подлинные имена условными инициалами, а в тех случаях, когда приметы слишком красноречиво говорили сами за себя, прибегать к купюрам, иногда весьма обширным.

При повторном издании I и II томов писем часть купюр была редактором восстановлена.

Со времени опубликования основного фонда чеховских писем прошло четверть века. Большинство соображений, заставлявших редактора прибегать к купюрам, отпало. Особенно это относится к письмам молодого Чехова: из упоминаемых в этих письмах современников здравствуют поныне лишь очень немногие.

В 1887 году, задумав свою «Степь»,

Чехов поехал в Таганрог и соседние степные хутора: ему хотелось, прежде чем приступить к повести, освежить впечатления своей юности, снова, после восьмилетнего отсутствия, побывать в местах, по которым должен был совершать свое первое путешествие чеховский Егорushка. С родины Чехов посылал семье в Москву длинные письма-дневники, и в них нетрудно узнать мотивы написанных Чеховым позже рассказов и повестей — «Степь», «Огни», «Перекасти-поле», «Учитель словесности», «Святою ночью», «Печенег». К сожалению, эти письма были опубликованы также далеко не в полном виде. Между тем описанные в них строки представляют большой интерес. С восторгом описывал Чехов природу вокруг Таганрога, но совсем в иных тонах описывал он родной город: жизнь таганрогских обывателей показалась Чехову пошлой и жалкой, он покинул Таганрог с грустным, тяжелым чувством.

Приведем некоторые из наиболее значительных по размерам купюр в письме-дневнике Чехова от 7—14 апреля 1887 года. Они очень выразительно рисуют ту мешанскую провинциальную среду, знание которой обогатило Чехова многими важными жизненными наблюдениями.

Приехав в Таганрог, Чехов остановился у своего дяди, Митрофана Егоровича Чехова. Митрофан Егорович, как и отец Антона Павловича, занимался «коммерческими делами», то есть торговал в мелочной лавке. Он был человеком весьма недалеким, однако доброй души, искренне любимым своими племянниками. Семью Митрофана Егоровича, ее окружение, а также и давних знакомых Чехова и описывает Антон Павлович в нижеследующих, не появлявшихся до сих пор в печати отрывках.

«Л. П. (Людмила Павловна, тетка Антона Павловича), «радая», забула засыпать дорогого чая и вообще находится нужным извиняться и отбредиваться там, где не нужно. Смотрит подозрительно: не осужу ли? Но при всем том рада угостить и обласкать».

«...Он (Г. М. Чехов — двоюродный брат Антона Павловича) знаком с Мамаки, с Горошкой, с Бакиткой и другими баришнями, созданными исключительно для того, чтобы пополнять в будущем вакансии голов дыньками. Владимирчик (В. М. Чехов — двоюродный брат А. П. Чехова), наружно напоминающий того тощего и сутуловатого Мищенко, к-ый у нас был, кроток и молчалив; натура, по-видимому, хорошая. Готовится в светильники церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Стало быть, у дяди не только своя алва, но будет даже и свой митрополит. Саша такая же, как и была, а Леля мало отличается от Саши».

Далее следует описание обстановки в доме Митрофана Егоровича:

«...Портреты весьма плохие и Колты с Кларками, распаханные всюду. Сильно бьет в нос претензия на роскошь и изысканность, а вкуса меньше, чем у болотного сапога женственности. Теснота, жара, недостаток столов и отсутствие всяких удобств. Ирина, Володя и Леля спят в одной комнате, дядя, Л. П. и Саша в другой, Егор в передней на сундуке; не ужинают они вероятно умышленно, иначе их дом давно бы взлетел на воздух. Жара идет и из кухни и из печей, к-ые все еще топят, несмотря на теплое время. Ватер у чорта на куличках, под забором; в нем то и дело прячутся, так что ночью испражняться гораздо опаснее для жизни, чем принимать яд. Столов нет, если не считать ломберных и

круглых, поставленных только ради украшения комнат. Нет ни плевательниц, ни приличного рукомыльника... салфетки серы, Принушка обрюзгла и не изящна... то есть застрелиться можно, так плохо!»

М. Е. Чехов состоял церковным старостой одной из таганрогских церквей. К пасхальной заутрене он отправился со всей семьей в церковь, где продавал свечи.

«Егор, как франт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает всех равнодушным оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке...»

«Дома разговенье в Принушкиной комнате: прекрасные куличи, отвратительная колбаса, серые салфетки, духота и запах детских одеял. Дядя разговляется у о. Василия. Наевшись и выпив сантуринского, ложусь и засыпаю под звуки: «ета... ета... ета...»

Утром нашествие попов и певчих. Я иду к Агалиным. Полина Ивановна рада. Липочка не выходит ко мне, потому что не пускает ревнивый муж. Николай Агали, здоровый балбес, держащий везде выпускной экзаме́н, не выдерживающий и мечтающий о Цюрихском университете. Глуп.

От Агали иду к М-ме Савельевой...»

«...Обед: суп и жареные кури (в праздник нельзя без птицы, деточка! Отчего не позволить себе роскошь?).

Во время обеда прискакал Камбуренок — субъект с черной бритой рожей, в белой жилетке и достаточно уже насантуринившийся, шляясь по визитам. Служит он в банке, а его брат англо-... в Варшаве тоже в банке.

— Ей богу, приходи ко мне! — заговорил он. — Я всегда твои субботники читаю. Мой отец — тип! Приходи посмотреть. Ах, да ты забыва-

ешь, что я женатый! У меня уже дочка есть, ей богу... Да как ты переменился! и т. д.

После обеда (суп с твердым рисом и кури) я поехал к Ходаковскому. Пан живет недурно, хотя и не с той роскошью, какую мы знали раньше. Его белобрысая Маня — жирный подльский, хорошо прожаренный кусок мяса, красивый в профиль и неприятный en face. Мешочки под глазами и усиленная деятельность сальных железок. Повидимому, бедовая. Позднее я узнал, что в истекший сезон она едва не бежала с актером и продала даже свои кольца, серьги и проч. Это по секрету, конечно...»

«...От папа к Лободе. Все Лободины постарели страшно. Аноша плеши́в, как луна, Дашенька потолстела, Варинька постарела, похудела и высохла; когда она смеется, то нос ее прижимается к лицу, а подбородок, морщась, лезет к носу. Марфа Ив. тоже постарела. Сета. Она мне очень обрадовалась и согласилась ехать со мной в Москву. У Лободы видел бессмертного Царенко, игривого, болтливое и либерального. Петр Захарыч жив; очень мне обрадовался, интересовался всеми нашими... Говорит ошпшим, необыкновенно диким голосом, так что без смеха слушать его совсем невозможно; был женат, но развелся с женою. Идя от Лободы домой, я встретил М-ме Савельеву с дочкой. Дочка вся в папешку: много хохочет и уже прекрасно говорит. Когда я помог ей надеть упавшую с ноги калошу, она в знак благодарности томно взглянула на меня и сказала: «Приходите к нам ночевать!».

Упоминается в этих отрывках Принушка — старая няня в семье М. Е. Чехова, относившаяся с большой любовью к маленькому Антоше Чехову, нередко искавшему утешения и ласки в доме своего дяди. Егор — Георгий Митрофанович Чехов; неопубликованные архивные материалы позволяют установить некоторое портретное сходство Егорushки из «Степи» с двоюродным братом А. П. Чехова. «Ета... ета...» — Чехов воспроизводил манеру говорить Людмилы Павловны. Агали — знакомая Чеховым таганрогская семья. Савельева — жена однокурсника А. П. Чехова — д-ра Д. Т. Савельева. Камбуренок — один из членов семьи Камбуровых, близкой семье П. Е. и М. Е. Чеховых. Купец И. И. Лобода — дальний родственник Чеховых. «Радая», «забула», «баришнии», «кури» — воспроизведение таганрогского жаргона. Марфа Ив. — Марфа Ивановна Морозова — тетка А. П. Чехова. Через много лет, приглашая Чехова вновь приехать в Таганрог, Марфа Ивановна с удивительной наивностью писала: «Антоша приезжай к нам в Таганрог ты не узнаешь его... я незнаю как бы тебя замануть к нам в Таганрог.

Антоша я очень потолстела и помолодела, а силы неприбавилось просто барыня стала мое почтенья красавица».

Но Чехова в Таганрог уже не тянуло.

А. РОСКИН